

УДК 001.8

DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-3-35-45

АКАДЕМИЯ И ПРИНУЖДЕНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ: ПЯТЬ ТЕЗИСОВ

Веретенников Андрей Анатольевич – кандидат философских наук, доцент. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Школа философии и культурологии. Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, 101000; e-mail: aaveretennikov@hse.ru.

Соколова Татьяна Дмитриевна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: sokolovatd@gmail.com.

В статье авторы проводят небольшой исторический экскурс в проблему административного регулирования публикационной активности отечественных ученых и выдвигают пять тезисов относительно предполагаемого принуждения к публикационной активности в отечественной академии. Выделяются и обсуждаются: (1) различие между РАН (академическими исследователями, не занятыми преподавательской деятельностью) и университетами, для сотрудников которых педагогическая нагрузка является основной; (2) жанры публикаций с точки зрения их сложности и трудозатратности; (3) цитируемость как один из основных показателей востребованности и эффективности автора на рынке научных публикаций и проблемы, вытекающие из этого критерия оценки авторов; (4) возможность публикации в ведущих рейтинговых журналах для отечественных авторов; (5) финансирование и его влияние на «принуждение к публикации» в отечественной академии, а также альтернативные способы академического признания, не связанные с публикационной активностью. Эти тезисы могут служить как структурными, так и содержательными характеристиками современной ситуации в российской науке и образовании.

Ключевые слова: эпистемические добродетели, публикации, цитируемость, финансирование

Цитирование: Веретенников А.А., Соколова Т.Д. Академия и принуждение к публикации: пять тезисов // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2022. Т. 5. № 3. С. 35–45. DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-3-35-45

ACADEMIA AND COERCION FOR PUBLISHING: FIVE THESES

Andrey A. Veretennikov – PhD in Philosophy, Assistant professor, HSE University. 20 Miasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation; e-mail: aaveretennikov@hse.ru.

Tatiana D. Sokolova – PhD in Philosophy, researcher. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

Authors provide a short historical survey on the problem of administrative regulation concerning publication activity within Russian academia and put forward five theses regarding the alleged coercion for publishing. We identify and discuss (1) the difference between the Russian Academy of Sciences (academic researchers who are not engaged in teaching) and universities, where teaching is the main job requirement; (2) genres of publications in terms of their complexity and labor intensity; (3) citation as one of the main indicators of author's relevance and effec-

12/1 Goncharnaya St., Moscow,
109240, Russian Federation;
e-mail: sokolovatd@gmail.com.

tiveness in the market of scientific publications and the problems arising from this evaluating criterion; (4) the possibility for Russian authors of publication in the leading high rating journals; (5) funding and its impact on “coercion for publishing” in the academy, as well as alternative strategies of academic recognition that are not directly related to publication activity. These theses can serve as both structural and substantive characteristics of the current situation in Russian science and education.

Keywords: epistemic virtues, publications, quotation index, financing

For References: Veretennikov, Andrey and Tatiana Sokolova. 2022. Academia and coercion for publishing: five theses, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 5 (3): 35-45. DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-3-35-45 (In Russian).

Предложенная И.Т. Касавиным к дискуссии тема (тем более в такой полемически заостренной формулировке), на первый взгляд, не может не вызвать желания у представителя науки и образования поделиться некоторыми соображениями, накопившимися за годы планирования, написания, редактирования и сдачи в печать своих научных трудов. Однако, начав обсуждать свой предполагаемый скромный вклад в предлагаемую читателю дискуссию, авторы столкнулись с первым теоретическим затруднением: все наши соображения, от смутных ощущений до отрефлексированных за годы академического опыта публикационной активности (подогреваемой как возвышенным научным интересом, так и очевидной финансовой заинтересованностью) и пассивности (вызванной творческим кризисом или же большой загруженностью административной или преподавательской работой), представляют собой в лучшем случае банальности и тривиальные истины, которые, как нам представляется, разделяет каждый, кто когда бы то ни было работал в академии. Однако принуждение к публикации, как это верно замечено в предлагаемой к дискуссии статье, несмотря ни на что, побудили нас, по выражению мыслителя, на протяжении своей творческой жизни вряд ли сталкивавшегося с этой проблемой, «обратить нужду в добродетель» и все-таки изложить свои соображения.

Негласный закон написания философских текстов на просторах Отечества предлагает стандартное решение проблемы: не знаешь, что сказать – обратиться к истории вопроса, потому что сидеть на плечах у гигантов намного приятнее, чем находиться в свободном падении. Места работы авторов в нашем случае оказываются некоторым подспорьем – мы можем судить как минимум из двух разных перспектив, но все же в рамках академии в целом. Просмотрев свои предыдущие публикации, авторы нашли тезис, от которого можно было оттолкнуться в своих сегодняшних рассуждениях: публикация статьи в научном журнале – едва ли не единственный

критерий, по которому внешний наблюдатель и распределитель финансирования на науку (будь то государство или частная компания) в состоянии определить эффективность «фундаментальных научных исследований»¹, то есть контролировать затраченные ресурсы. Именно поэтому публикация является краеугольным камнем научной отчетности, в отличие от многочасовых размышлений, работы с источниками, сбора информации, проведения экспериментов или наблюдений, обсуждения гипотез с коллегами и прочих практик, входящих в широкое и вряд ли исчерпывающе определяемое понятие научной деятельности.

Мы выдвигаем вполне очевидный тезис, а именно – взаимоотношения между несколькими видами социальных систем, такими как власть (политика), предпринимательство (бизнес), журналистика (медиа), и наукой (в том числе образованием) в российском контексте исторически деформированы. Наука и образование, и в особенности гуманитарные их разновидности, не отвечают на запросы медиа или бизнеса, они трансформируются, как и медиа, под влиянием власти. По сути дела, российская «наука» даже в ее традиционной теологической разновидности XVI-XVII вв. обслуживала с большей или меньшей степенью успешности именно интересы власти. Предупреждая возможное возражение, стоит отметить, что, несомненно, она обладала своим внутренним политическим измерением, в котором присутствовали как центробежные, так и центростремительные тенденции в виде кооперации и сопротивления внешнему влиянию. Но уже в XVIII в. оформляются современные формы коммуникации науки и власти, в частности в виде институций науки и образования. Именно Академия наук и университеты здесь играют центральную роль. Собственно публикация как элемент контроля работы ученых существовала как одно из первых требований со стороны российского государства (в то время Российской империи) к членам Петербургской императорской академии наук [Дмитриев, Кузнецова, 2019, с. 216]. Учитывая вышеизложенные соображения, представляется разумным обратиться к экскурсу в исторический контекст коммуникации между учеными и властью на ее примере.

Одновременно с образованием Академии наук появляется первое в России научное периодическое издание – издаваемый на латыни журнал, который сначала носил название *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae* (1728-1751 гг.), а затем *Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae* (1750-1776 гг.). Изначально журнал, как и Академия в целом, существовал фактически без контроля со стороны их заказчика и кредитора – императорского дворца. Однако через 20 лет, 24 июля 1747 г., без участия академиков был принят первый офи-

¹ То есть де-юре формулировка грантового финансирования исследований российскими научными фондами.

циальный «Регламент Академии наук». Принятие регламента демонстрирует явное желание со стороны государственных властей контролировать Академию и академиков, налагая на них разного рода бюрократические ограничения. Так, одним из пунктов регламента напрямую прописывается необходимость в академической специализации: «Академик всякой должен в том только трудиться для общества, что к его науке принадлежит, так как например ботаник не должен вступаться в математические дела, анатомик – в астрономические и прочая» (цит. по: [Дмитриев, Кузнецова, 2019, с. 217]). Именно с принятием регламента Академии публикация в ее официальном периодическом издании становится не только привилегией, но и обязанностью назначенных академиков – тем формальным результатом, который может быть оценен властью в качестве действительного выполнения исследований, а, следовательно, и оправданием потраченных ею средств на содержание как академиков, так и всего корпуса научных лабораторий, библиотеки и т. д. Этот же регламент передает гуманитарные науки (филологию и историю) в ведение Университета, оставляя за Академией исключительно математические и естественные науки. Из принятой в Серии 1 журнала лейбницевской рубрики в Серии 2 исчезает раздел «История» – третья и самая скромная рубрика², а ее место занимает «Астрономия», закрепляя полностью естественно-научный статус журнала.

Обращение к оглавлениям выпусков журнала показывает, что основным поставщиком «научного контента» являлся Леонард Эйлер. Из 755 статей, опубликованных в двух сериях журнала за 48 лет его существования, авторству Эйлера принадлежат 236 (в процентном соотношении за весь период издания это составляет 31% публикаций, по сериям: 22% – в Серии 1 и 38% – в Серии 2). На втором месте с большим отрывом – Георг Вольфганг Крафт – 58 статей (8% по двум сериям) и Даниил Бернулли – 47 статей (6%) [Соколова, 2020, с. 152–154]. То есть в среднем самый плодовитый автор писал около 5 статей в год, а обладатели второго и третьего мест – по 1-1,5 статьи. В современной академии ситуация Эйлера выглядит скорее нормой, нежели отклонением. В то же время любой руководитель структурного подразделения Академии не отказался бы иметь в числе своих сотрудников исследователя, способного ежегодно не только писать, но и публиковать по 5 статей. В университетском же контексте этот тип активности может трансформироваться в послабления в преподавательской нагрузке (количестве читаемых курсов) или в монетарные вознаграждения. Сделав эту исторически-статистическую ремарку, вернемся в современность. Мы выделим пять обстоятельств, внутри которых

² В первой серии журнала в исторической рубрике опубликовано всего 40 статей от трех авторов, причем одним из них – 29 (в противовес 327 статьям по математике, физике и астрономии, написанными 28 авторами).

в отечественной академии существует и развивается принуждение к публикации и которые несколько диверсифицируют и уточняют выдвинутые И.Т. Касавиным тезисы.

1. *Структурное разнообразие.* Публикационное давление в Академии наук и в образовательных учреждениях, несмотря на их связь и взаимодействие, отличается по своим структурным характеристикам, основной из которых видится форма труда – в академических институтах сотрудники выполняют «норму выработки научной продукции», заключающуюся в публикациях, которыми отчитываются за определенный период времени, что не исключает экспертной и проектной деятельности, а иногда и научного руководства – например, в аспирантуре. Вузовские же работники выполняют с большим или меньшим успехом те же функции, к которым присовокупляется основной (в том числе для одного из авторов этой публикации) *modus vivendi* – преподавательская деятельность. Естественно, что в разных учреждениях и на разных кафедрах эти требования отличаются. В этом смысле сравнение публикационного давления на академических сотрудников и на педагогический состав вузов представляется некорректным. Несомненно, множества сотрудников академии и сотрудников вузов пересекаются, но это отнюдь не означает их совпадения, несмотря на то, что в самих вузах, особенно федерального уровня, имеются исследовательские институты или лаборатории, педагогическая нагрузка в которых минимальна, если вообще присутствует. Если публикации для Академии – это жизнь, то для вузов они могут быть обузой и тяжким бременем, отвлекающим от основной деятельности. Как гласит научно-корпоративная мудрость, в треугольнике между жизнью, публикациями и преподаванием можно выбрать только два варианта. В этом отношении нельзя не вспомнить недавнюю радость некоторых представителей академического сообщества по поводу отмены необходимости публиковаться в иностранных высокорейтинговых журналах.

2. *Жанровое разнообразие.* Здесь речь идет, конечно же, в первую очередь о сфере гуманитарных и социальных наук. Содержательно научные публикации можно разделить на несколько жанров: (1) полноценная научная статья для публикации в журнале (желательно высокорейтинговом) – большое и оригинальное научное исследование, опирающееся на широкий круг источников и направленное на решение той или иной теоретической задачи; (2) та же самая статья, отредактированная, переработанная и дополненная для публикации в коллективной монографии или в сборнике статей (но не в журнале, где требуется оригинальность!); (3) реплика в панельной дискуссии или критическая рецензия – гораздо менее трудозатратный вариант интеллектуального творче-

ства, в котором автору предлагается поразмышлять на заданную тему с минимальным требованием к обоснованной оригинальности; (4) научные переводы и/или комментарии к ним – публикации, требующие в большей степени технической, чем оригинальной творческой работы; (5) рефераты и обзоры, то есть по сути классификации библиографических списков, составляющихся для работы в рамках полноценной научной статьи; (6) тезисы докладов на конференциях – тексты двух жанров: (а) отрывок из полноценной статьи, концентрирующийся на одном из аспектов рассматриваемой проблемы, то есть по сути парафраз уже проведенного исследования, или (б) проверка рабочей гипотезы для полноценной научной статьи. Очевидно, что первый тип научной публикации является наиболее сложным, трудоемким и энергозатратным для автора. Все остальные типы публикаций производятся значительно проще. Возможно, именно такое разделение жанров способствовало продуктивности Эйлера – судя по всему, он писал замечания к работам своих коллег или публиковал наработки будущих более фундаментальных трудов, используя технику, именуемую сегодня *salami slicing*, что и объясняет большое количество публикаций. В современном научном контексте роль такого типа публикаций выполняют в основном панельные дискуссии. Панельные дискуссии такого типа, в которой мы сейчас участвуем, представляют собой своего рода трансформацию классической научной полемики в переписке – по всей видимости, отмирающем жанре. Сегодня мы вряд ли можем представить себе аналог опубликованной (посредством Марена Мерсенна) переписки между Декартом и Гоббсом. Из этого наблюдения нельзя, конечно, сделать вывод о том, что панельная дискуссия обладает меньшими эпистемическими добродетелями, нежели жанр полноформатной статьи. Вполне вероятно, что именно такие публикации побуждают к полемике и вместе с тем провоцируют появление новых идей и теорий. В то же время нельзя не заметить трансформацию такого классического жанра публикации, как рецензия, в жанр эссе, то есть жанр, претендующий на большую оригинальность де-юре, но де-факто ее не требующий. Вероятно, эта трансформация обусловлена исключительно внешними факторами, то есть тем самым административным давлением на ученых. Стоит отметить, что само это «давление» необязательно становится результатом взаимодействия с властью, оно во многом является следствием внутренней политики в научно-педагогическом сообществе.

3. *Цитируемость*. В идеальном мире этот индикатор является универсальным показателем востребованности научных исследований автора и закономерным мерилем его таланта. Тем не менее в мире реальном это один из самых болезненных для автора (особенно для молодого и начинающего) показателей. Исследователь

публикационной активности и цитирования Дерек де Солла Прайс, проанализировав распределение цитирования научных публикаций в журналах, еще в середине прошлого века пришел к неутешительным для авторов выводам: чем больше раз процитирована та или иная статья, тем больше шансов у нее быть процитированной в будущем. Те же статьи, которые на протяжении обозримого промежутка времени не получили ни одной ссылки, теряют какой бы то ни было шанс на возможное цитирование. Таким образом, по подсчетам де Солла Прайса, около 10% статей ежегодно «отмирает», увеличивая тем самым возможности быть процитированными для статей, которые уже были процитированы [de Solla Price, 1965, p. 512].

Основная проблема для отечественных авторов здесь заключается в том, что индекс цитирования растет в первую очередь от участия в панельных дискуссиях (особенно с участием «высокоранговых» коллег) и коллективных монографиях (при этом ссылки зачастую идут на монографию в целом, а не на конкретные статьи). Анализ публикационной активности авторов этой реплики на портале *Elibrary* подтверждает это правило: самыми цитируемыми являются работы, опубликованные в рамках коллективных монографий и панельных дискуссий с более статусными коллегами, а также переводы известных авторов, в той или иной мере используемые в производстве научной литературы. На втором месте идут обзорные и реферативные публикации. Трудозатраты на публикации такого типа значительно меньше, чем на полноценные научные статьи; в то же время именно они увеличивают рейтинг исследователя, а значит, его или ее потенциал участия в грантовых проектах и продвижения в академической иерархии. Но именно полноценные научные статьи, на подготовку которых затрачено в разы больше времени, сил и компетенций, меньше всего и медленнее всех цитируются другими авторами.

Один из наиболее скрупулезных исследователей научной периодики Дэвид Кроник рассматривал журнальные статьи в качестве одного из наиболее значимых инструментов научной коммуникации, которую он довольно расплывчато определял как «сумму многочисленных, конкретных и отдельных друг от друга видов деятельности, в общем направленных на передачу и накопление научного знания» [Kronick, 1962, p. 5]. Публикации журнальных статей здесь становятся наиболее репрезентативным примером именно потому, что этот жанр производства научного знания появляется относительно поздно, с определенными оговорками доступен для анализа и может быть относительно легко отделен от других типов академической коммуникации. Кроник выделяет две «фундаментально несовместимые» роли научной периодики: «(1) служить средством сообщения новых открытий и идей и (2) функционировать в качестве хранилища знания» [ibid., p. 8].

То есть периодическое издание должно быть таким инструментом научной коммуникации, которое, с одной стороны, позволяет транслировать новые научные идеи и открытия, а с другой – является своего рода хранилищем накопленного знания. Однако данные, полученные де Солла Прайсом, наглядно свидетельствуют о том, что функция трансляции неотделима от функции хранения, и если статья не цитируется, то она становится невостребованным балластом в сети научного знания. Поэтому для автора, академическая успешность и эффективность (а вместе с тем и финансовое благосостояние) которого рассчитываются не только из количества опубликованных статей, но и из количества ссылок на эти статьи, выступать в роли производителя знания, востребованного не за отчетный период, а исключительно в статистически неподтверждаемой перспективе вечности, довольно проблематично. Необходимость быть цитируемым, напрямую вытекающая из побуждения к публикации, в то же время вступает с ней в прямой конфликт. Зачем публиковать статьи, если они не будут процитированы?

4. *Дальность журналов.* Здесь нужно отметить гетерогенность потенциального журнального рынка, то есть того пространства, куда выходят авторы с уже имеющимися текстами (это опять же относится в первую очередь к общественным и гуманитарным наукам). Чем более высоким рейтингом обладает журнал, тем сложнее и длительнее публикационный цикл, а судя по практической закрытости поля иностранных журналов, в которых, как это и показывает опрос И.Т. Касавина, печатаются или даже просто рассматривают такую возможность очень и очень немногие, действительно качественных (по мнению сообщества) публикаций можно насчитать и того меньше.

Хотелось бы предложить такой оптимистичный мысленный эксперимент. Представим себе, что на Академию и весь педагогический состав вузов внезапно снизошло публикационное вдохновение, или, если угодно, Дух Писучести. Он вызывает к жизни в наших авторах все необходимые эпистемические добродетели, как то, например, честность, непредвзятость или скромность. Он эпистемически принуждает их к написанию 3,33... (как это предлагается И.Т. Касавиным в качестве нормального распределения публикационной активности исследователя) полноценных статей в журналах из списка ВАК в год. Каждая из этих статей может быть легко оттранслирована и за пределы нашего Отечества как в переводе, так и в побуждении иностранных ученых изучать русский язык ради чтения научных трудов из России. Теперь представим себе, как эти, несомненно, позитивные изменения будут чувствоваться внутри сообщества (например, в возрастании цитирования) и извне, со стороны наукометрии. Исходя из тех обстоятельств, которые мы описали выше, в случае если количество публика-

ций остается неизменным, то разницы мы не почувствуем, а кросс-цитирование будет заметно только через продолжительное, хотя и обозримое время. Конечно, цитирование не является единственным или даже главным показателем качества, но здесь количественные факторы диалектически сплетаются с качественными – оценка сообществом часто выражается в других формах социального и академического признания, таких как предложения выступить с докладом на престижной конференции, принять участие в исследовательском гранте или выступить в качестве редактора коллективной монографии или номера журнала.

Тем не менее и сегодня существуют коллеги, с легкостью выпускающие до семидесяти и более «статей» в год. Это лишь подтверждает то наблюдение И.Т. Касавина, одобренное академическим здравым смыслом, и к которому, думается, присоединятся многие из нас, что не в количестве счастье и что качество может быть оценено только интерналистски, то есть изнутри, с учетом того, что у самих ученых достаточно времени и сил для просмотра статей хотя бы по своей субдисциплине. Тем не менее объективная реальность академии дается нам, и в особенности администрации, посредством нормативов выработки печатной продукции.

5. *Взаимосвязь с финансированием.* Отличительной современной особенностью отечественной академии, по крайней мере в научных центрах, является зависимость от публикационной активности. Само наличие влиятельных публикаций является основой существования ученых во всем мире; например, будь вы хоть самым популярным научным блогером или тиктокером, принцип «publish or perish» никто не отменял, и именно от публикаций зависят возможности по трудоустройству и, соответственно, монетарное вознаграждение. В отечественном контексте к этому добавляется принцип минимального вознаграждения за собственно «работу» в академии или образовании и поддержания жизнедеятельности в результате «работы» по грантам или демонстрации публикационной активности. Здесь возможны коррективы по странам, учреждениям или даже подразделениям, но мы, естественно, судим из своей локальной, российской перспективы. Одним из самых очевидных результатов является воплощение в жизнь принципа негативного отбора, согласно которому наиболее старательные или усидчивые индивиды (а именно такой тип производит наибольшее количество публикаций) обладают наибольшей резистентностью к изменениям в структуре академии, а также карьерными, пусть даже не административными, возможностями. Вымывание из академии талантливых ученых уже на этапе аспирантуры становится общей проблемой академии как в вузах, так и в РАН. В такой ситуации «тупой, но старательный» является очевидным бенефициаром нынешнего порядка, а выполнение обязательств, по сути дела сле-

дование «правилам игры», оказывается главной эпистемической добродетелью. В этом смысле в отечественной академии принципиально невозможен западный институт «звезд», в той или иной мере независимых от публикаций. Классическими примерами «звезд» из истории философии второй половины XX в., в ситуации с уже сложившимся публикационным давлением являются Сол Крипке, Майкл Даммит и Эдмунд Геттиер (и это отнюдь не конец списка!), обладавшие влиянием, несопоставимым с их публикационной активностью на ранних, самых продуктивных этапах их карьеры в философии. Конечно, институт звезд в значительной мере зависит от коммодификации образования и науки, то есть функционирования последних как товара или услуги на рынке. Несмотря на очевидные тенденции к коммодификации в отечественном образовании, оно все же в значительной мере является результатом динамического взаимодействия с единственным заказчиком – властью. В нашем случае место философской звезды в академии занимает талантливый администратор, являющийся медиатором, с одной стороны, между академией и властью, а с другой – между академией и собственно ее членами.

Таким образом, особенности структурного разнообразия публикационного давления позволяют только в некоторой мере обобщать отечественную академию в некое целое: существуют несомненные и значительные различия между собственно Академией и университетами. Жанровое разнообразие публикационной активности, являющееся следствием как внутренней динамики знания, так и внешних факторов, говорит о невозможности какого-то общего вывода, который бы применялся во всех случаях. Каждому внешнему фактору «давления» находят все более искусные способы сопротивления (и мы даже не упоминали здесь о практике «коллективных могил» в естественных науках, когда список авторов может превышать по объему несколько страниц текста с результатами исследования). Очевидно, что цитируемость является единственным, но отнюдь не самым совершенным способом оценить важность публикации. Особенности современного валового научного публикационного продукта показывают изменения в самих принципах оформления научных идей или результатов. «Дальность» или возможность публикации в ведущих изданиях, равно как и монетарная зависимость отечественных авторов от публикаций, являющаяся общей проблемой, поддерживают академическую «элиту» или небольшой круг авторов, не являющихся «звездами» в философии в западном понимании этого слова. На их место приходит особый тип ученого-администратора, главной добродетелью которого является выполнение им посреднических и управленческих функций.

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The authors declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Дмитриев, Кузнецова, 2019 – *Дмитриев И. С., Кузнецова Н. И.* Академия благих надежд. Москва: НЛЮ, 2019. 446 с.

Соколова, 2020 – *Соколова Т. Д.* Первый журнал Российской академии наук как зона обмена // Социальные и цифровые исследования науки: коллективная монография / научн. ред. и сост. А.А. Аргамаковой, Е.В. Масланова, В.В. Слюсарева, Т.М. Хусяинова. Изд. 2-е, испр. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии наук», 2020. С.147-157.

de Solla Price, 1965 – *de Solla Price D.* Networks of Scientific Papers // Science. 1965. Vol. 149. P. 510-515.

Kronick, 1962 – *Kronick D.* A History of Scientific and Technical Periodicals. The Origins and Development of the Scientific and Technological Press 1665-1790. N.Y.: The Scarecrow Press, 1962. 274 p.

References

de Solla Price, D. "Networks of Scientific Papers", *Science*, vol. 149, 1965, pp. 510-515.

Dmitriev, I. S., Kuznetzova, N.I. *Academii blagikh nadezhd* [Academy of Good Hopes]. Moscow: NLO Press, 2019. (In Russian)

Kronick, D. *A History of Scientific and Technical Periodicals. The Origins and Development of the Scientific and Technological Press 1665-1790.* New York: The Scarecrow Press, 1962.

Sokolova, T.D. *Pervyj zhurnal Rossijskoj akademii nauk kak zona obmena* [The First Journal of the Russian Academy of Sciences as a trade zone]. In: *Sotsialnye i tsifrovye issledovaniya nauki* [Social and Digital Sciences: A Collective Monograph]. Eds. A.A. Argamakova, E.V. Maslanov, V.V. Slyusarev, T.M. Husyainov. 2nd ed, rev. Moscow: Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauk Publ., 2020, pp. 147-157. (in Russian)

Поступила в редакцию: 05.08.2022